

western shoulder of the Urals were extracted by teams of free diggers that time, who used very simple tools. Iron ore was mined using the open pit method because of the ore accessibility. The result was a quite progressive European-level mining and metallurgical industry to arise in the 1720s in Russia.

Keywords: Ural, 17th–early 18th centuries, mining industry, complex ore, foreign specialists.

References

1. Kuzminykh S. V., Agapov S. A. Cis-Ural's cupriferous sandstones and their use in ancient times. *Initiation and Development of Industrial Economy in the Ural : Collection of Scientific Papers*. Sverdlovsk : UrO AN SSSR, 1989. pp. 178–197.
2. Rykus M. V. The Ural Ocean and copper–sulfide ore of Bashkortostan. Bashkiria : Collected Papers. Ufa : Natsionalnyi muzey Respubliki Bashkortostan, 1996. Vol. 6. pp. 169–170.
3. Agrikola G. Mining and Metallurgy. Twelve volumes. Translation from Latin. 2nd ed. Moscow : Nedra, 1986. 294 p.
4. The Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 365. Inventory 1. File 1. List 12, 14, 15.
5. Kurlaev E. A., Mankova I. L. Development of Ore Deposits in the Ural and Siberia in the 17th Century: At the Origins of the Russian Industrial Policy. Moscow : Drevlekhramilishche, 2005. 323 p.
6. De-Gennin V. Description of the Ural and Siberian Plants. 1735. Moscow : Istoriya zavodov, 1937. 656 p.
7. Archive of St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences. Fund 175. Inventory 2. File 60. List 1–6.
8. State Archive of the Sverdlovsk region. Fund 24. Inventory 1. File 23. List 145.
9. Archive of St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences. Fund 175. Inventory 2. File 55. List 1.
10. Gennin V., Akishin M. O. The Ural-Period Epistolary Communication with Peter I and Catherine I. Yekaterinburg : Bank kulturnoy informatsii, 1995. 482 p.
11. The Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 150. Inventory 1. File 8. List 14.
12. The Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 150. Inventory 1. File 15. List 1–2.
13. The Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 214. Inventory 1. File 994. List 35.
14. The Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 271. Inventory 1. File 608. List 278–279.
15. The Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 271. Inventory 1. File 89. List 503–505.
16. Koltovskiy V. Copper smelting at the Demidoffs' Nizhni Tagil Works. *Gornyi Zhurnal*. 1846. No. 9. pp. 361–395.
17. The Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 271. Inventory 1. File 616. List 88 overleaf, List 89 overleaf, List 90 overleaf.
18. Kurlaev E. A. The genesis of Ural metallurgy: Base Taghilsky plants. *The Industrial Ural. Bakunin's Lectures: Industrial Modernization in the Ural in the 18th–21st Centuries: Proceedings of XII All-Russia Conference to Commemorate the 90th Anniversary of the Honored Man of Science, Doctor of Historical Sciences, Professor Alexander V. Bakunin*. Yekaterinburg : UMTs UPI, 2014. Vol. I. pp. 195–200.
19. Felkner the third. Cupriferous ore processing at the Upper Iset Works. *Gornyi Zhurnal*. 1840. No. 10, pp. 38–63.
20. The Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 199. Inventory 1. File 393. List 67 overleaf.
21. The Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 271. Inventory 1. File 89. List 241.
22. Butenev. Pumps to lift water from mines. *Gornyi Zhurnal*. 1833. No. 12. pp. 386–411.
23. The Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 214. Inventory 5. File 1355. List 1–3.
24. Yartsov A. S. Russian Mining History. The Ural. Book 1. Yekaterinburg : Basko, 2018. 377 p.
25. The Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 214. Inventory 2. File 1280. List 48.

УДК [377+378](091)

ГОРНАЯ ШКОЛА РОССИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XX в.: ОТ ЗАВОДСКИХ ШКОЛ ДО ВУЗОВ

Л. А. ДАШКЕВИЧ,

ведущий научный сотрудник, д-р ист. наук,
ldash54@mail.ru

Институт истории и археологии УрО РАН,
Екатеринбург, Россия

Введение

Проблемы становления и развития российской горной школы не раз привлекали внимание исследователей, однако их труды, как правило, ограничивались локальными темами, замыкаясь на рассмотрении истории отдельных учебных заведений или описании системы образования в заводских регионах. Эту тенденцию можно заметить, обращаясь к современным публикациям [1–4]. Цель настоящей статьи – восполнить этот недостаток и дать комплексный анализ развития технологий обучения горному делу и металлургии, сложившихся

Проанализирована динамика развития государственного сектора горнотехнического образования в России. Выделены три этапа в развитии технологий обучения горному делу и металлургии в имперский период. На первом этапе (первая половина XVIII в.) преобладающим способом передачи технологических знаний было традиционное производственное ученичество. В первой четверти XVIII в. появились заводские школы, дававшие детям мастеровых начальное образование. Второй этап (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) стал временем перехода отечественного горнотехнического образования на следующую ступень: в России были основаны специальные учебные заведения повышенного типа с расширенной программой обучения, начало работать Санкт-Петербургское горное училище. На третьем этапе (вторая половина XIX – начало XX в.) основные усилия правительства были направлены на развитие высшей инженерной школы. По числу средних и низших горнотехнических училищ наша страна существенно уступала своим европейским соседям.

Ключевые слова: профессиональное, образование, горный институт, заводские школы, съезды промышленников

DOI: 10.17580/gzh.2025.07.12

в нашей стране в имперский период, показать особенности национальной системы подготовки кадров, определить роль государства, общественных организаций и частных лиц в развитии горной школы.

Становление горной школы в России в первой половине XVIII в.

Горное законодательство России, разработанное в начале XVIII в. под влиянием европейских проектов, узаконило фактически существовавшее в нашей стране еще с конца XVII в. право верховной собственности государства на полезные ископаемые [5, с. 12]. В Российской империи, вслед за многими европейскими странами (кроме Британии) сложилась традиция отношения к горному делу и металлургии как к регалии, что, по мнению ряда исследователей, наложило на правительство определенные обязательства по организации школ для профессионального обучения работников этой сферы [6, с. 42; 7, с. 65]. В имперский период значительную роль в горнотехническом образовании России играло государство. В Британии, развивавшейся под сильным влиянием политического либерализма и индивидуализма (т. е. идеологии невмешательства государства в экономику и культуру) сложилось иное отношение к техническому образованию. Оно сформировалось как чисто «рыночный» институт, ориентированный на запросы частных лиц и коммерческих организаций. В XVIII–XIX в. основу подготовки английских инженеров и техников составляла практика тренинга молодых специалистов непосредственно в компаниях [7, с. 59].

Шведский ученый Р. Торстендаль выделяет три ступени в развитии технологий обучения горному делу и металлургии. Первая сосредоточивалась «на точной передаче основных прикладных знаний от мастера к подмастерью». Вторая состояла «в обобщении местных традиций в одну систему знания и передаче того, что считалось наилучшей частью обобщенного знания, будущим специалистам». Третья ступень включала «систематические попытки улучшить технологические методы и процессы при помощи чисто теоретических исследований и использования стандартизированных практических навыков, то есть лабораторной работы» [6, с. 44].

Отталкиваясь от этих представлений о развитии специального обучения, можно отметить, что Россия в первой половине XVIII в. находилась на первой «ступени» — преобладающим способом передачи технологических знаний в горном деле и металлургии было традиционное производственное ученичество. Специалисты «горных искусств» для рудников и строившихся металлургических заводов набирались на старых предприятиях или приглашались из-за границы.

Первое известие о создании школы при российском заводе встречается в письме, направленном в апреле 1716 г. управителем Олонецких заводов В. И. де Генниным графу Апраксину: «С Москвы 12 школьников по письму Вашего Сиятельства на завод прибыли из нижних чинов, и определил их во обучение:

Василий Никитич Татищев.

(Горный журнал. № 1. 1828)

к доменному, пушечному, якорному, эфесному (производство холодного оружия — Л. Д.) и прочим заводским делам. А те школьники, которых Ваше Сиятельство изволили мне вручить 20 человек, из бедных дворянских детей в С.-Петербурге, я отвез на заводы; и ныне им школа у меня там заведена изрядная: учат арифметику, геометрию, рисование, артиллерию и инженерное дело» [8, с. 300].

Большим сторонником идеи школьного обучения горнозаводского населения был известный государственный деятель петровской эпохи и ученый В. Н. Татищев. Исполняя в 1721–1722 гг. должность главного начальника казенных заводов Урала, он открыл в заводских поселках несколько учебных заведений: арифметическую школу в Кунгуре, словесную и арифметическую — при Уктусском заводе, словесные — при Алапаевском заводе и двух-трех приписных к нему слободах.

В октябре 1723 г. в Наказе комиссару заводов Ф. Неклюдову Татищев предложил соединить общее образование работников заводов с профессиональным обучением. Однако реализовать эту программу в первый период своего пребывания на Урале (1720–1723 гг.) он не успел. Генерал де Геннин, сменивший Татищева на посту главного начальника, решил сосредоточить обучение детей мастеровых в новом центре

регионального горного управления – Екатеринбурге. В марте 1724 г. здесь начала действовать арифметическая школа, в июне 1725 г. – словесная. Школы в заводских поселках и слободах были закрыты.

К идее профессиональной подготовки школьников В. Н. Татищев вернулся в период своего второго пребывания на Урале (1734–1737 гг.). В 1736 г. он разработал «Учреждение, коим порядком учителя русских школ имеют поступать», где представил перечень «искусств», которым следовало бы учить школьников во время учебы: проба руд, механика, архитектура, рисование, камнерезное, токарное, столярное, паяльное мастерство. Практические навыки школьники должны были получать, непосредственно участвуя в производственном процессе. Для учеников вводилось почасовое расписание профессиональных занятий: в словесных школах – два раза в неделю, в остальных – ежедневно в определенные часы [9, с. 89].

Горнозаводские школы были созданы Татищевым при всех казенных заводах Урала, подчиненных Канцелярии главного заводов правления. По данным А. М. Сафроновой, в 1730-е гг. на Урале действовали 27 казенных заводских школ, к обучению в которых были привлечены почти все дети, проживавшие при заводах, независимо от их социального происхождения [9, с. 87]. Профессиональное обучение в таких школах продолжалось до начала 1740-х гг.

В. Н. Татищев был также сторонником активного вмешательства государства в деятельность горнопромышленников. Разработанные им проекты Заводского устава и Наказа шихтмейстеру содержали статьи о введении особого «школьного налога» и об обязательном обучении в школах детей рабочих на казенных и на частных заводах [10, с. 105]. Высшая власть, однако, прислушалась к мнению большей части промышленников, считавших содержание школ излишней финансовой нагрузкой и не поддержала предложения Татищева. Тем не менее многие положения Заводского устава Татищева стали неофициальными практическими руководствами для чиновников горной администрации. Как признавал в 1804 г. один из руководителей горной промышленности Урала А. Ф. Дерябин, «был ли сей устав представлен на высочайшее утверждение, неизвестно; однако ж, на заводах везде было поступаемо и ныне поступают во всех главных предметах по оному» [11, с. 349].

Известно, что по образцу татищевских школ заводские учебные заведения были созданы в первой половине XVIII в. в селении Нерчинского завода в Забайкалье (1723 г.) [4, с. 37], при Луказском заводе в Красноярском уезде (1739) [12, с. 78], при Томском Колывано-Воскресенском (1735 г.) и Барнаульском заводах (1753 г.) на Алтае [3, с. 38]. Все эти школы давали учащимся основы начального образования. В словесных школах детей обучали чтению и письму, в арифметических – первым действиям арифметики. В некоторых школах вводили практические занятия детей в цехах предприятий.

Михаил Федорович Соймонов. Портрет

(фото Павла Долганова)

Развитие горного образования во второй половине XVIII в.

Во второй половине XVIII в. в Российской империи, как и в некоторых других странах Европы с развитой металлургической промышленностью, стали совершенствоваться технологии обучения горному делу и металлургии. Учебные заведения повышенного типа с расширенной программой специального обучения появились в Германии – во Фрайберге (1765 г.), Берлине и Клаустале (1770 г.), в Австро-Венгрии – в Шемнице (1770 г.) и во Франции – в Париже (1783 г.).

Россия была среди первых стран, заложивших традиции высшего прикладного образования в горном деле. 21 октября 1773 г. Екатерина II подписала указ об открытии в Санкт-Петербурге Горного училища, первым директором которого был назначен известный горный деятель М. Ф. Соймонов. Исследователи отмечают его значительный вклад в становление Горного училища. Соймонов разработал подробный план учреждения учебного заведения, обосновал необходимый для изучения перечень предметов и пригласил к преподаванию авторитетных специалистов. В первый преподавательский состав вошли: талантливый механик Х. Лешенколь, учитель арифметики и геометрии А. Мартов, ученый-минералог

И. М. Ренованц, известный естествоиспытатель А. М. Карамышев [1, с. 15–17].

Найти абитуриентов для вновь созданного учебного заведения было непросто, они должны были иметь гимназический уровень общего образования и знать иностранные языки (немецкий и французский). Первый набор студентов состоял из воспитанников Московского университета. После их выпуска в 1776 г. решено было создать при училище подготовительные классы, которые дали бы возможность поступать на учебу детям горных чиновников из заводских регионов. Большую часть расходов учебного заведения покрывала казна. В 1784 г. общий объем казенного финансирования составил около 7 тыс. руб. [1, с. 32].

Первый период деятельности Санкт-Петербургского горного училища (1773–1804 гг.), по мнению историков, был временем становления высшего технического образования, когда в преподавании дисциплин еще случались пропуски, уровень научной подготовки студентов был не очень высок, а необходимая техническая литература переводилась с иностранных языков [13, с. 11].

Школы повышенного типа появились во второй половине XVIII в. и в металлургических регионах России. Благодаря усилиям известного горного деятеля и администратора В. И. Суворова в 1760–1780-е гг. на Нерчинских сереброплавильных заводах и рудниках была создана сеть горнозаводских учебных заведений, включавшая четыре начальные заводские школы и главную горную среднюю школу [4, с. 65].

В главной школе, открытой в селении Нерчинский завод в 1764 г., помимо обычных общеобразовательных предметов, было введено обучение тригонометрии, металлургии, химии, детям офицеров и приказчиков преподавали немецкий и французский языки. В ее составе в 1775 г. числилось 250 учеников и семь преподавателей [4, с. 59–62]. Учащиеся получали неплохую практическую подготовку: пробирному делу и обжиганию серебра их учили в заводской лаборатории, «сочинению чертежей» — в Нерчинской горной конторе, практике маркшейдерского дела и добыче руды — на заводах и рудниках. В 1787 г., после перехода Нерчинских сереброплавильных заводов в ведение императорского Кабинета, начальные училища были закрыты, а расходы на главную горную школу существенно сокращены. В том же году численность ее учеников упала до 40 чел. [4, с. 66]. Основные функции подготовки технических кадров были переданы на Алтай — центр управления кабинетскими заводами Сибири.

По имеющимся сведениям, в 1750–1780-е гг. на кабинетских Колывано-Воскресенских заводах было открыто девять словесных и арифметических школ, главенствующую роль среди которых играла Барнаульская заводская школа. В ее программу входило изучение арифметики, тригонометрии и «знаменования» (черчения), а для отдельных категорий учеников — немецкого языка, физики, музыки, пения, игры на флейте [3, с. 38–40]. Вопрос о необходимости

создания на Алтае горного училища повышенного типа возник в связи с кризисными явлениями в деятельности кабинетских заводов в 1772–1782 гг., когда они сократили объем выпуска продукции почти в три раза. Для устранения причин упадка в штат Колывано-Воскресенских заводов в 1779 г. был зачислен известный горный специалист И. М. Ренованц, преподававший до этого, как уже упоминалось, в Санкт-Петербургском горном училище. Он совершил ревизионную поездку на заводы и, помимо других причин кризиса, отметил острую нужду заводов и рудников в искусных штейгерах (мастерах, руководивших работами внутри рудников) и других специалистах средней квалификации. По мнению некоторых исследователей, именно Ренованц составил первое штатное расписание и учебную программу Барнаульского горного училища, включившую изучение маркшейдерского искусства, химии, механики, минералогии и физики [14, с. 29].

Решение об открытии училища было принято в 1779 г., но начало оно действовать лишь в 1785 г. Горный совет не поддержал составленный в регионе проект Положения об училище, предлагавший выделить на содержание учебного заведения около 15 тыс. руб. и создать достаточно большой штат преподавателей (десять учителей и пять мастеров). Член Совета директор Санкт-Петербургского горного училища П. А. Соймонов (он приходился двоюродным братом упомянутому выше М. Ф. Соймонову) предписал начальнику Колывано-Воскресенских заводов Г. С. Качке «удовольствоваться малым училищем», содержание которого не превышало бы 2 тыс. руб. в год [3, с. 72].

Из-за недостаточного финансирования и отсутствия квалифицированных преподавателей развитие Барнаульского горного училища затормозилось. Долгое время оно оставалось лишь подготовительной площадкой для поступления в Санкт-Петербургское горное училище. Первоначально учебное заведение предназначалось для детей «благородного сословия», но уже летом 1789 г. по распоряжению начальника заводов училище стало принимать наиболее способных выпускников начальных заводских школ всех сословий.

Создание системы горнотехнического образования в первой половине XIX в.

Первая половина XIX в. была отмечена важными преобразованиями в организации российской горной школы. Они происходили в общем русле образовательной политики Российской империи, основные направления которой были определены «Предварительными правилами народного просвещения» от 24 января 1803 г. Закон предусматривал создание в стране преемственной системы учебных заведений — от начальных приходских училищ до университетов. Подобный подход отразился и в Проекте горного положения, разработанном при участии видных горных деятелей России и одобренном императором Александром I в 1806 г.

В Проекте указывалось на необходимость обучения заводского населения первоначально в малых горных школах при заводах и рудниках, а затем в главных горных школах в центрах горных округов. Наиболее способные учащиеся могли завершить образование в Горном кадетском корпусе (до 1804 г. – Санкт-Петербургском горном училище). Это учебное заведение, как утверждалось в Проекте, «будет уже по сему сравнению с университетом, в который все отличившиеся в Главной горной школе должны быть Горным начальником препровождены для окончания курса горных и вспомогательных наук» [1, с. 51]. «Вузовский» статус Горного кадетского корпуса был подтвержден в 1818 г. дарованием его воспитанникам прав выпускников Московского и Санкт-Петербургского университетов.

В начале XIX в. большое влияние на развитие высшего образования России оказал опыт Франции. Во время Французской революции в Париже была открыта знаменитая Политехническая школа (1794 г.), внедрившая в свою деятельность новые идеи обучения. В учебной программе школы большое место было отведено изучению фундаментальных дисциплин (математики, химии, аналитической механики). К преподаванию привлекали ученых и специалистов, которые занимались научными исследованиями и приобщали к этому студентов. После заключения Тильзитского мира в 1807 г. Наполеон направил в Санкт-Петербург группу выдающихся французских инженеров для организации в России новой инженерной школы – Института инженеров путей сообщения (1809 г.) [13, с. 12].

По образцу этого Института, находившегося под личным патронажем императора Александра I, перестраивалось обучение в Горном кадетском корпусе и других высших учебных заведениях страны. В программу вуза было включено изучение широкого спектра дисциплин: математики, физики, химии, минералогии, геогнозии, маркшейдерского, пробирного и горного искусства, архитектуры, механики, металлургии и других предметов, знание которых было необходимо в обширном горнозаводском хозяйстве. В расширенный преподавательский штат были включены лучшие научные силы страны. Так, преподавание физики в 1831 г. было доверено профессору Петербургского университета Н. П. Щеглову, курсы высшей математики в 1832–1840 гг. вел академик В. Я. Буняковский, работавший одновременно в Институте Корпуса путей сообщения [1, с. 83]. Результаты научных исследований преподаватели вуза публиковали на страницах «Горного журнала», основанного в 1825 г.

Горный кадетский корпус (с 1833 г. – Горный институт, с 1834 г. – Институт Корпуса горных инженеров) был привилегированным закрытым учебным заведением. Поступать в него могли только выходцы из семей дворян, горных инженеров и чиновников. Доступ в вуз детей мастеровых и нижних заводских чинов был прекращен в 1820 г. Для продолжения образования казенные заводы Урала стали посылать своих

пансионеров из числа нижних чинов в Горную техническую школу при Практическом технологическом институте и Пробирное училище при Пробирной палате в Санкт-Петербурге.

Сословный принцип обучения в Горном институте уже сточился после издания Положения 1834 г., согласно которому организация вуза была военизирована. Институт Корпуса горных инженеров был поделен на два отделения – приготовительное и горное. Воспитанники четырех низших классов назывались кадетами, двух последующих – кондукторами, а двух высших – офицерами (в первом из них обучались прапорщики, во втором – подпоручики). В 1838 г. в приготовительном отделении добавился пятый класс, так как выявилась недостаточность знаний учащихся, поступавших в горное отделение. В административном отношении Институт подчинялся Департаменту горных и соляных дел, состоявшему при Министерстве финансов, хотя программы и объем преподаваемых там дисциплин согласовывались с Министерством народного просвещения.

Заметные изменения произошли в первой половине XIX в. и в образовательном пространстве заводских регионов. В первой четверти XIX в. из-за сокращения финансирования число учебных заведений в них сократилось. При кабинетских Колывано-Воскресенских заводах, например, к 1820 г. остались в действии лишь три начальные школы и Барнаульское горное училище [3, с. 60]. Заводская администрация попыталась усовершенствовать систему образования: в 1822 г. по инициативе горного начальника П. К. Фролова были введены «Правила Горного училища и школ в Колывано-Воскресенских заводах». Полностью реализовать этот проект, однако, не удалось, поскольку в 1830 г. алтайские заводы были переданы на правах аренды в ведение Министерства финансов, которому и пришлось решать все накопившиеся проблемы.

По мнению историков, период подчинения Колывано-Воскресенских заводов Департаменту горных и соляных дел Министерства финансов (1830–1855 гг.) стал временем расцвета регионального горнозаводского образования. В 1835–1836 гг. начальник Штаба Корпуса горных инженеров К. В. Чевкин предпринял инспекцию всех казенных заводов. Подводя итоги проверки, он, в частности, отметил недостаток технических знаний у непосредственных руководителей работ на предприятиях Алтайского округа – штейгеров и уставщиков. Для исправления положения он указал на необходимость реформирования местной системы образования. Разработанное с участием К. В. Чевкина «Положение об учебных заведениях Алтайских горных заводов» было утверждено 4 августа 1836 г. Оно установило двухуровневую систему регионального профессионального образования, нижнее звено в которой составляли частные училища при рудниках и заводах, верхнее – окружное училище в Барнауле, которое приравнивалось по уровню образования к среднетехническому. Для подготовки учащихся в нем были открыты три общеобразовательных класса и два двухклассных практических отделения:

заводское (для обучения будущих уставщиков) и горное (для штейгеров). Поступить в училище могли наиболее способные воспитанники из частных школ, а также дети горных чиновников. Дети мастеровых и нижних чинов получали в горном и заводском отделениях училища законченное образование, которое позволяло им занимать места заводских служащих нижнего и среднего звена. «Благородные» же воспитанники, как правило, из второго и третьего отделений отправлялись в петербургские учебные заведения. Положение 1836 г. было успешно реализовано на Алтае. К 1861 г. в округе действовали 20 частных училищ с 1425 учащимися и Барнаульское окружное училище с 59 учащимися [15, с. 106].

В Нерчинском горном округе также существовала двухуровневая система образования. Однако по качеству подготовки горных кадров Нерчинское училище уступало Барнаульскому, о чем свидетельствуют многочисленные факты отправки молодых людей с Нерчинского завода в Барнаул для завершения обучения. Опыт Алтайских заводов по созданию системы горнозаводского обучения был использован в Луганском казенном горном округе. Согласно «Положению об учебных заведениях», разработанному в 1839 г., там были открыты четыре заводские школы и горное училище с четырехлетним сроком обучения [16, с. 77].

На Урале предпринималось несколько попыток улучшить горнозаводское образование. Первый опыт оказался не вполне удачным. Согласно Проекту горного положения, при заводах были созданы малые и главные горные школы. Главные школы открылись в 1807–1808 гг. в центрах казенных округов (при Екатеринбургском, Богословском, Юговском и Кушвинском заводах), однако в 1809 г. из-за недостатка квалифицированных учителей и необходимой материальной базы их деятельность была прекращена. Вместо этого горное начальство создало 50 вакансий для детей чиновников уральских заводов в Санкт-Петербургском горном кадетском корпусе. Все главные горные школы были преобразованы в малые, их воспитанники стали получать лишь основы общего образования.

Система специального обучения была воссоздана в казенных горных округах одним из самых влиятельных деятелей Урала XIX в. главным начальником заводов В. А. Глинкой. «Положение об учебных заведениях уральских горных заводов», разработанное по его инициативе и одобренное в 1852 г., ввело в регионе трехуровневую систему специальной подготовки. Начальное образование дети из семей рабочих получали в заводских школах с двухлетним сроком обучения. Наиболее способные мальчики продолжали обучение в четырехлетних окружных училищах, образовательный курс которых включал изучение общих дисциплин на уровне уездных училищ и специальные занятия. Дети знакомились с рудами, минералами, моделями горнозаводских устройств и машин, упражнялись в письмоводстве и счетоводстве. Логически завершало систему специального образования Уральское горное училище с четырехлетним курсом

обучения, дававшее законченное среднетехническое образование. В программу Горного училища были включены основы неорганической химии, минералогии, геогнозии, общей механики, горное, маркшейдерское и пробирное искусство, металлургия, геодезия, техническое черчение и рисование. Дети чиновников, кроме того, могли посещать занятия по российской и всеобщей истории, а также изучать немецкий язык. Согласно Положению 1852 г., выпускники этого учебного заведения при продолжении казенной службы имели неплохие социальные возможности. Они получали звание урядников второй или третьей статьи, а после необходимой выслуги лет – первый классный чин.

К 1861 г. на казенных заводах Урала действовала разветвленная сеть ведомственных учебных заведений: 37 начальных заводских школ (3451 учащийся), шесть окружных училищ (367 учащихся) и Уральское горное училище (34 учащихся) [2, с. 180, 496].

Реформирование горнотехнического образования во второй половине XIX – начале XX в.

Буржуазные реформы 1860–1870-х гг. существенно изменили картину образования в Российской империи. Стройная система горнотехнического образования, сложившаяся в первой половине XIX в., в ходе правительственных реформ была нарушена. В 1879 г. уральские заводские и окружные учебные заведения поступили в ведение Министерства народного просвещения, после чего, как с грустью отмечал в своем докладе на VII съезде горнопромышленников Урала (1899 г.) горный инженер Н. Е. Китаев, «связь училищ с интересами заводов порвалась» [17, с. 208]. Те же процессы происходили и в других металлургических регионах: Нерчинское горное училище в 1878 г. было реорганизовано в четырехклассное городское, Барнаульное в 1897 г. – в семиклассное реальное.

В ведении Горного департамента осталось лишь одно учебное заведение повышенного типа – Уральское горное училище в Екатеринбурге. По его образцу в других регионах было создано несколько специальных училищ. В Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 30 августа 1873 г. открылась Лисичанская штейгерская школа, имевшая неплохую материальную базу. При содействии общественности там были организованы учебные мастерские (столярная, плотничная и кузнечная), образцовый рудник, химическая лаборатория, минералогический кабинет и библиотека. В 1877 г. начало работу частное горное училище при Корсунской каменноугольной копи (у железнодорожной станции Горловка), основателем которого стал тайный советник С. С. Поляков, известный концессионер и строитель железных дорог. При горном училище действовали приготовительный класс для детей рабочих (на 100 учащихся) и три специальных класса (на 40 воспитанников) [18, с. 55–56]. В 1889 г. открылось Домбровское горное училище в Царстве Польском, в 1893 г. – Иркутское горное училище, в 1909 г. – Славянское горнозаводское училище [18, с. 56].

Эти учебные заведения имели трех- или четырехлетний курс обучения и были рассчитаны на подготовку горных и заводских техников. В них давали сведения по маркшейдерскому и горному искусству, минералогии, химии, физике, механике, металлургии и другим дисциплинам, связанным с заводским хозяйством. Схожий учебный курс имели частные горнотехнические училища, работавшие на Урале (Нижнетагильское горнозаводское и Турьинское горное училище заводовладельцев Демидовых и Половцовых).

Учащимися горных училищ были в основном выходцы из низших сословий. Несмотря на солидную специальную подготовку, они не имели права поступать в высшие технические учебные заведения, так как общеобразовательная программа учебных заведений не соответствовала курсу гимназий и реальных училищ. Почти все училища горного ведомства имели юридический статус низших технических учебных заведений. Полные права получали лишь выпускники горнозаводского отделения Пермского Алексеевского реального училища, относившегося к ведению Министерства народного просвещения (это отделение было создано в 1875 г. при Красноуфимском реальном училище, в 1896 г. переведено в Пермь). Вопрос о необходимости расширить общеобразовательную программу и изменить статус горных училищ неоднократно обсуждался на съездах промышленников Урала и Юга России, но из-за бюрократических проволочек эта проблема решалась очень медленно, как и вопрос о создании сети низших школ для подготовки заводских мастеров.

Проблема подготовки заводских мастеров впервые была поднята на заседании съезда южно-российских промышленников в 1896 г. В дореволюционный период на Юге удалось реализовать лишь один проект: создать школу горных десятников имени В. А. Вагнера. Идея открытия школы в память об этом известном горном деятеле принадлежала углепромышленникам Области войска Донского. В 1907 г. был разработан устав учебного заведения и выделены необходимые средства на его содержание. Школа открылась в 1909 г. в селе Макевка. Курс обучения в ней был рассчитан на один год. Финансировалось учебное заведение за счет процентов от капитала, собранного углепромышленниками, а также сумм, ассигнуемых съездами горнопромышленников [19, 20].

На Урале проблема создания низших школ для заводских мастеров обсуждалась на V–VIII съездах горнопромышленников Урала в 1897–1900 гг. В 1900 г. комиссия разработала и отправила в Горный департамент проект «Нормального положения о низших горнотехнических школах», предусматривавший создание на Урале школ двух разрядов с двух- и трехлетним курсом обучения и совместное финансирование этих учебных заведений за счет средств казны и промышленников [21, с. 60]. Этот документ, однако, надолго задержался в кабинетах чиновников. Впрочем, идея участия в финансировании низших заводских школ не встретила понимания и у большинства владельцев заводов. На XX съезде в 1914 г. уральские

горнопромышленники открыто заявили, что создание технических школ «должно составлять заботу правительства» [22].

Основные усилия Правительства во второй половине XIX – начале XX в. были направлены на развитие высшей школы. Высшее горнотехническое образование в России до конца XIX в. было сосредоточено в Санкт-Петербургском Горном институте. В 1866 г. институт был преобразован из закрытого военно-учебного заведения в открытое гражданское с пятилетним сроком обучения, а прием в приготовительные кадетские классы прекращен. Горный институт был достаточно крупным учебным заведением, однако он не справлялся с задачей обеспечения инженерными кадрами бурно развивавшейся горной и металлургической отраслей промышленности страны. По свидетельству председателя Совета съездов горнопромышленников Юга России А. Ф. Мевиса, число горных инженеров в России в 1896 г. составляло всего 650 человек, из которых технической деятельностью занимались не более 450 человек [23].

Вопрос о необходимости создания нового учебного заведения для подготовки инженеров был поднят в 1896 г. Екатеринославской городской думой. Город готов был бесплатно выделить для строительства здания вуза земельный участок и ассигновать на его создание 200 тыс. руб. XXI съезд горнопромышленников Юга России, собравшийся в октябре 1896 г., поддержал это предложение. Комиссия под председательством горного инженера Н. С. Авдакова предложила создать в городе высшее горное училище с трехлетним сроком обучения, в которое для получения специального образования могли бы поступать выпускники высших учебных заведений, гимназий и реальных училищ. Необходимость увеличения числа инженеров мотивировалась тем, что в южно-российском регионе, где значительная часть предприятий находилась в собственности акционерных обществ с участием зарубежного (чаще всего английского) капитала, работало много иностранных техников, не имевших никакого образования, что приводило к несчастным случаям и конфликтам с рабочими. Предлагалось в течение 10 лет после открытия вуза заменить иностранцев на ведущих технических должностях русскими специалистами и допускать иностранцев к заведыванию работами только при условии, если они выдержат экзамен в русском техническом учебном заведении и будут знать русский язык. Подобный подход уже действовал на железных дорогах империи, где главные должности занимали русские инженеры и техники [24].

Правительство пошло навстречу пожеланиям промышленников. В 1899 г. в Екатеринославе было открыто Высшее горное училище с курсом наук, рассчитанным на три года. В 1903 г. срок обучения в нем продлили до четырех лет. Однако выпускники получали звание горного инженера не сразу. Это право давалось им после двух лет работы на горнопромышленных предприятиях и сдачи специальных испытаний в Санкт-Петербургском горном институте. В 1912 г. в связи

с неоднократными ходатайствами южно-российских горнопромышленников высшее училище было преобразовано в Екатеринославский горный институт с полными правами высшего технического учебного заведения.

На Урале, как и на Юге России, вопрос об открытии высшего горного училища был поднят в 1896 г. На заседании городской Думы Екатеринбурга было высказано пожелание о создании вуза в этом историческом центре горного дела. Заводовладельцы, однако, сочли тогда это предложение «преждевременным и едва ли осуществимым» [25, с. 51]. Следующий шаг в создании «умственного центра» Урала сделала пермская городская Дума. В 1907 г. она вынесла ходатайство о размещении будущего вуза в Перми.

Соревнование между двумя уральскими «столицами» по поводу создания горного института длилось около четырех лет. Вопрос окончательно решился на заседании межведомственного совещания, которое состоялось в Петербурге в мае 1911 г. под руководством министра народного просвещения Л. А. Кассо. Совещание признало необходимым учредить горный институт в Екатеринбурге. Указ об организации вуза был подписан императором 3 июля 1914 г., но занятия в нем из-за сложностей со строительством здания были начаты лишь в октябре 1917 г.

Помимо ведомственных специализированных горных вузов (Санкт-Петербургского, Екатеринославского и Екатеринбургского), в начале XX в. инженеров готовили горные и металлургические отделения Томского технологического института, Харьковского технического института, Донского, Варшавского и Петербургского политехникумов.

Большие споры на страницах технической печати конца XIX – начала XX в. вызывал вопрос о специфике подготовки инженерных кадров. Обсуждалось, в частности, «энциклопедист» или узкий специалист нужен российской промышленности. Сторонники узкой специализации обвиняли русскую горную школу в излишней теоретичности преподавания. «Сличая программы горного Петроградского института и Ecole de mine (Горной школы Парижа – Л. Д.), с которой первый почти целиком списан, – утверждал автор одной из статей в газете «Киевлянин», – нельзя не подивиться, насколько меньше требуют с французских горных инженеров по сравнению с их русскими

коллегами. Лекционные курсы там тощие томики, в то время как лекции русских профессоров – фолианты в сотни страниц, зато практическая сторона преподавания, чисто специальные науки у наших союзников поставлены поистине блестяще, создав вполне заслуженную славу французским горным инженерам» [26].

Несмотря на продолжавшиеся споры, горнотехническое образование в стране продолжало оставаться не только широким, но и универсальным, что объяснялось как численным преобладанием мелких и средних предприятий, требовавших таких специалистов, так и недостатком инженерных кадров.

Заключение

Подводя итоги краткому анализу развития горнотехнического образования в Российской империи, можно признать, что его концепция сформировалась как вариант континентальной европейской образовательной традиции.

В XVIII – первой половине XIX в. развитие горной школы было по преимуществу функцией имперского правительства.

Во второй половине XIX – начале XX в. активными акторами развития горной школы стали органы местного самоуправления, съезды горнопромышленников и благотворительная общественность, что принесло свои положительные плоды. С участием общественности в России развивались учреждения высшего, среднего и низшего специального образования. Высшая горная школа России имела общепризнанные достижения. Она отличалась высоким качеством образования, основанным на сочетании углубленного теоретического изучения фундаментальных и прикладных наук. Не проигрывали европейским школам в качестве обучения и российские средние и низшие горнотехнические учебные заведения, однако их число, как признавали современники, было мизерным [27, с. 192–193]. По числу среднеспециальных и низших учебных заведений наша страна существенно отставала от своих европейских соседей. В частности, в Пруссии в 1906 г. имелись 10 горных школ с 1179 учениками и 49 горных училищ с 1069 учащимися. В России в 1910 г. было лишь 9 средних и низших горных школ с общим числом учащихся в 716 человек [28, с. 111]. Эту проблему пришлось решать уже советской власти.

Библиографический список

1. Афанасьев В. Г., Волошинова И. В., Мокеев А. Б., Плюхина Т. В., Подольский С. И. и др. Очерки истории Горного института (1773–1917). – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Санкт-Петербургский горный университет, 2023. – 300 с.
2. Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура горнозаводских округов Урала в XIX в.: казенный и частный типы : дис. ... д-ра ист. наук. – Екатеринбург, 2017. – 535 с.
3. Бабарыкин Б. В. Горнозаводское профессиональное образование Западной Сибири в XVIII – начале XX в. : дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2015. – 324 с.
4. Константинова Т. А. История горнозаводского образования в Забайкалье (XVIII – начало XX в.). – Новосибирск : Наука, 2010. – 167 с.
5. Киселев М. А. Возникновение российского промышленного законодательства в 1-й четверти XVIII в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2010. – 25 с.
6. Торстендаль Р. Обучение горному делу и черной металлургии // Металлургические заводы и крестьянство: проблемы социальной организации промышленности России и Швеции в раннеиндустриальный период : сб. науч. тр. – Екатеринбург : Наука, 1992. С. 42–54.
7. Сапрыкин Д. Л. История инженерного образования в России, Европе и США: развитие институтов и количественные оценки // Вопросы истории естествознания и техники. 2012. Т. 33. № 4. С. 51–90.

8. Демидов А. И. К истории профессионального образования в России: Виллим Иванович Геннин (1676–1750) // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. 2012. № 1-2(147). С. 299–302.
9. Дашкевич Л. А., Сафронова А. М. Горная школа в России (XVIII – первая половина XIX в.) // Металлургические заводы и крестьянство: проблемы социальной организации промышленности России и Швеции в раннеиндустриальный период : сб. науч. тр. – Екатеринбург : Наука, 1992. С. 87–94.
10. Сафронова А. М. Проект В. Н. Татищева по открытию школ на частных заводах Урала и попытка его претворения в жизнь // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. – Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2006. Вып. 6. С. 97–138.
11. Павленко Н. И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в. Промышленная политика и управление. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1953. – 536 с.
12. Быконя Г. Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. – Новосибирск : Наука, 1981. – 248 с.
13. Timoshenko S. P. Engineering Education in Russia. – New York : McGraw-Hill, 1959. – 48 p.
14. Шайдулов В. Н. К вопросу о профессиональной подготовке кадров для Колывано-Воскресенских (Алтайских) заводов во второй половине XVIII – первой половине XIX в. // История горного дела в России XVIII–XX вв. : сб. науч. ст. – СПб. : Изд-во Невского ин-та языка и культуры, 2012. Вып. 2. С. 26–36.
15. Бабарыкин Б. В. Частные училища Алтайского (горного) округа во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4-1(80). С. 106–109.
16. Позина Л. Т. Горные школы Юга России XIX в.: особенности формирования и развития // История горного дела в России: XVIII–XX вв. : сб. науч. ст. – СПб. : Изд-во Невского института языка и культуры, 2012. Вып. 2. С. 77–91.
17. Труды VII съезда горнопромышленников Уральской горной области, бывшего 15–20 января 1899 года в г. Екатеринбурге: журналы заседаний, доклады Совета Съезда и избранных Съездом комиссий, отчеты и материалы. – Екатеринбург : Типография В. Н. Алексеева, П. Н. Галина и К°, 1899. – 314 с.
18. Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. 1837–1887. – СПб. : Паровая скоропечатня Яблонский и Перотт, 1888. Ч. V. Горное дело. – 296 с.
19. Правительственные распоряжения // Техническое образование. 1903. № 2. С. 1.
20. Устав школы горных десятников имени В. А. Вагнера // Горнозаводский листок. 1908. № 105. С. 10685.
21. Материалы к вопросу о низших горнотехнических учебных заведениях на Урале. – СПб. : Типография Г. И. Зархи, 1905. – 72 с.
22. XX съезд горнопромышленников Урала // Горнозаводское дело. 1915. № 11-12. С. 10687.
23. Мевуус А. Ф. К вопросу об учреждении второго Горного института // Горнозаводский листок. 1896. № 4. С. 2476.
24. Об открытии новых штейгерских школ и об установлении технического ценза для служащих в горнопромышленных предприятиях, принадлежащих иностранцам // Горнозаводский листок. 1897. № 2. С. 2804.
25. Профессиональные группы и общества как акторы российской поздней имперской модернизации (на материалах Урала второй половины XIX – начала XX в.). – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2016. – 148 с.
26. Хроника торгово-промышленной жизни и печати // Горнозаводское дело. 1915. № 20. С. 11067.
27. Брылкин Д. М. Горные школы Германии и Франции // Горный журнал. 1892. Т. 4. С. 122–193.
28. Ячевский Л. Статистика среднего и низшего горнотехнического образования в России // Горный журнал. 1911. № 7. С. 110–114. **✉**

«GORNYI ZHURNAL», 2025, № 7, pp. 86–95

DOI: 10.17580/gzh.2025.07.12

Mining education in Russia in the 18th–early 20th centuries: From factory schools to universities

Information about author

L. A. Dashkevich¹, Leading Researcher, Doctor of Historical Sciences, ldash54@mail.ru

¹Institute of History and Archeology, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

Abstract

The article reviews the pace of mining education in the Russian imperial period. The concept of mining engineering in Russia historically formed as a version of traditional education intrinsic to continental Europe. In the 18th–the first half of the 19th centuries, cultivation of mining education was the responsibility of the imperial government. The first factory schools appeared in Russia in the first quarter of the 18th century at the government-owned factories. The first principal of the Ural works V. N. Tatischev developed a program combining general and vocational education. In 1773 in Saint-Petersburg, the Mining Training School opened its doors and gave rise to engineering education. In the first half of the 19th century, in the regions of government-owned mining practices, the formed system of mining education embraced primary and secondary schools of engineering. In the second half of the 19th–the early 20th centuries, the network of mining training establishments expanded thanks to concern of local self-administration, conventions of mining industrialists and charity community. In the early 20th century, mining engineers were trained at the specialized universities in Saint-Petersburg, Yekaterinoslav and Yekaterinburg, as well as at the mining and metallurgical departments of the Kharkov Technical Institute, Tomsk Technological Institute, and at the Don, Warsaw and Petersburg Polytechnics. The higher school of mining in Russia distinguished itself with its high quality of education integrating basic and applied sciences. Russian primary and secondary mining

engineering establishments, although few in number, were equal to European schools in terms of the quality of education. By the number of primary and secondary specialized schools in engineering, Russia fell behind its European neighbors.

Keywords: vocational, education, mining institute, factory schools, industrialists' conventions.

References

1. Afanasev V. G., Voloshinova I. V., Mokeev A. B., Plyukhina T. V., Podolskiy S. I. et al. Mining Institute History Essays (1773–1917). 2nd revised and enlarged edition. Saint-Petersburg : Sankt-Peterburgskiy gorniy universite, 2023. 300 p.
2. Chernoukhov E. A. Social infrastructure in the regions of mining works in the Ural in the 19th century: Government-owned and private types : Dissertation of Doctor of Historical Sciences. Yekaterinburg, 2017. 535 p.
3. Babarykin B. V. Vocational education at mining works in Western Siberia in the 18th–early 20th centuries : Dissertation of Candidate of Historical Sciences. Barnaul, 2015. 324 p.
4. Konstantinova T. A. History of Mining Education at Industrial Works in Transbaikalia (18th–Early 20th Centuries). Novosibirsk : Nauka, 2010. 167 p.
5. Kiselev M. A. Uprise of Russian industrial legislation in the first quarter of the 18th century : Thesis of Dissertation of Candidate of Historical Sciences. Yekaterinburg, 2010. 25 p.
6. Torstendal R. Training on mining and ferrous metallurgy. Metallurgical Works and Peasantry: Problems of Social Organization of Industry in Russia and Sweden in Early Industrial Period: Collection of Scientific Papers. Yekaterinburg : Nauka, 1992. pp. 42–54.
7. Saprykin D. L. History of engineering education in Russia, Europe and in the USA: Development of institutes and scoring. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. 2012. Vol. 33, No. 4. pp. 51–90.
8. Demidov A. I. History of vocational education in Russia: Villim I. Gennin (1676–1750). *Nauchno-tehnicheskie ведомости Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politehnicheskogo universiteta*. 2012. No. 1-2(147). pp. 299–302.

9. Dashkevich L. A., Safronova A. M. Mining school in Russia (the XVIII – the first half of the XIX centuries). *Metallurgical Works and Peasantry: Problems of Social Organization of Industry in Russia and Sweden in Early Industrial Period: Collection of Scientific Papers*. Yekaterinburg : Nauka, 1992. pp. 87–94.
10. Safronova A. M. V. N. Tatishchev's project on opening of schools at private works and its materialization in the Ural. *Document. Archive. History. Modernity : Collection of Scientific Papers*. Yekaterinburg : Izdatelstvo Uralskogo universiteta, 2006. Vol. 6. pp. 97–138.
11. Pavlenko N. I. History of Metallurgy in Russia of the 18th Century. Factories and Factory Owners. Moscow : Izdatelstvo Akademii nauk SSSR, 1953. 536 p.
12. Bykonya G. F. Settlement of the Russians in the Yenisey Area in the 18th Century. Novosibirsk : Nauka, 1981. 248 p.
13. Timoshenko S. P. Engineering Education in Russia. New York : McGraw-Hill, 1959. 48 p.
14. Shaydurov V. N. Vocational education of personnel for the Kolyvan–Voskresensk (Altai) works in the second half of the 18th–first half of the 19th centuries. *History of Mining in Russia in the 18th–20th Centuries : Collection of Scientific Papers*. Saint-Petersburg : Izdatelstvo Nevskogo instituta yazyka i kultury, 2012. Vol. 2. pp. 26–36.
15. Babarykin B. V. The private schools in the Altai Mining District in the second half of the 19th–early 20th centuries. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013. No. 4-1(80). pp. 106–109.
16. Pozina L. T. Mining schools in Southern Russia in the 19th century: Formation and development. *History of Mining in Russia in the 18th–20th Centuries : Collection of Scientific Papers*. Saint-Petersburg : Izdatelstvo Nevskogo instituta yazyka i kultury, 2012. Vol. 2. pp. 77–91.
17. Transactions of the 7th Convention of Mining Industrialists in the Ural Mining Region, Held on 15–20 January 1899 in Yekaterinburg: Minute-Books, Proceedings of the Convention Council and Elected Committees, Reports and Deliverables. Yekaterinburg : Tipografiya V. N., Alekseeva, P. N. Galkina i K^o, 1899. 314 p.
18. Historical Review of the 50 Years-Long Performance of the Ministry of Government Property. 1837–1887. Saint-Petersburg : Parovaya skoropechatnaya Yablonskiy i Perott, 1888. Vol. V. Mining. 296 p.
19. Governmental prescriptions. *Tekhnicheskoe obrazovanie*. 1903. No. 2. p. 1.
20. Charter of the Vagner's School of Foremen. *Gornozavodskoy listok*. 1908. No. 105. p. 10685.
21. Materials on Issue of Primary Mining Training Establishments in the Ural. Saint-Petersburg : Tipografiya G. I. Zarkhi, 1905. 72 p.
22. The 20th Convention of Mining Industrialists of the Ural. *Gornozavodskoe delo*. 1915. No. 11-12. p. 10687.
23. Mevius A. F. Establishment of the second Mining Institute. *Gornozavodskoy listok*. 1896. No. 4. p. 2476.
24. Opening of new mine foremen schools and technical census for employees of foreign-owned mining plants. *Gornozavodskoy listok*. 1897. No. 2. p. 2804.
25. Occupational Groups and Professional Communities as Actors of the Russian Late-Imperial Modernization (Ural in the Second Half of the 19th–Early 20th Centuries). Yekaterinburg : Bank kulturnoy informatsii, 2016. 148 p.
26. Chronicle of trading and industrial life and press. *Gornozavodskoe delo*. 1915. No. 20. p. 11067.
27. Brylkin D. M. Mining schools in Germany and France. *Gornyi Zhurnal*. 1892. Vol. 4. pp. 122–193.
28. Yachevskiy L. Statistics on primary and secondary mining education. *Gornyi Zhurnal*. 1911. No. 7. pp. 110–114.

УДК 651.75:622(091)

ПЕРЕПИСКА В. Ю. СОЙМОНОВА С Н. Р. МАМЫШЕВЫМ (1823–1825 гг.) В КОНТЕКСТЕ АКТУАЛЬНЫХ ВОПРОСОВ РАЗВИТИЯ ГОРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ

С. В. ГОЛИКОВА,
ведущий научный сотрудник, д-р ист. наук,
avokilog@mail.ru

Институт истории и археологии УрО РАН,
Екатеринбург, Россия

Введение

К концу первой четверти XIX в. выяснилось, что Россия богата не только железом и медью, но и благородными металлами. Превращение ее в одну из основных стран — добытчиков золота происходило в процессе решения нескольких проблем: удовлетворения возрастающего спроса со стороны государства на драгоценные металлы, становления золотодобычи в качестве важнейшей отрасли народного хозяйства и развития исследований минерально-сырьевой базы. Такой

Рассказано о деловой переписке видных горных деятелей — сенатора, Берг-инспектора Московского горного правления В. Ю. Соймонова и управляющего Гороблагодатским горным округом Н. Р. Мамышева, охватывающей период 1823–1825 гг. и ставшей продолжением их совместной работы во «Временной Екатеринбургской горной комиссии», призванной содействовать развитию золотопромышленности Урала. Корреспонденты уделяли внимание организации изыскательских партий и экспериментам с таким приемом разведки, как бурение, дискутировали о строении и богатстве минерально-сырьевой базы Урала. Обсуждение ими событий, затрагивавших профессиональную честь, и проявлений патерналистского отношения к подчиненным свидетельствовали о консолидации горной корпорации. Переписка также ярко отразила характер и личные качества корреспондентов, дополняя новыми нюансами известные сведения о них.

Ключевые слова: Урал, 1823–1825 гг., В. Ю. Соймонов, Н. Р. Мамышев, эпистолярное наследие, золотодобывающая промышленность, горная корпорация

DOI: 10.17580/gzh.2025.07.13